

Т В О Р Е Н I Я
ТЕРТУЛПАНА,

ХРИСТИАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

ВЪ КОНЦѢ ВТОРАГО И ВЪ НАЧАЛѣ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

Переводъ Е. Карнеева.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1850.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать разрешается. С. Петербургъ, Мая 27 дня 1849 года.

Цензоръ Архимандритъ Аввакумъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

статьи двадцати (*).

Протисъ Валентиніанъ ().**

I. Валентиніане, многочисленная секта между еретиками, набирая себѣ сообщниковъ изъ отступниковъ отъ истины, охотно склоняются къ баснословію и тѣмъ ни кого не приводятъ въ изумленіе. Они ни о чёмъ столько не пекутся, какъ скрыть то, что проповѣдуютъ, если только можно назвать проповѣдью скрытое учение. Тьма, которою они себя окружаютъ, есть предосторожность, явно ихъ обличающая. Они обнаруживаютъ свое смятеніе, когда хотятъ поддержать минимую релігию свою.

Подобнымъ образомъ безмолвіе, прикрывающее Элевзинскія таинства, родъ раскола въ самомъ греческомъ сувѣріи, обращается самимъ симъ таинствамъ въ стыдъ и поношеніе. Они предписываютъ строгія испытанія, требуютъ долговременнаго ожиданія быть посвященными, налагаютъ печать молчанія на уста, опредѣляютъ пять лѣтъ для искуса, лабы привлечь къ себѣ болѣе уваженія, оторочивая познаніе дѣла, и возвысить величіе таинствъ, возжигая пожеланіе. Потомъ наступаетъ долгъ безмолвія. Тщательно ста-

(*) Писанъ въ 208 году по Р. Х.

(**) Статья эта кажется извлечена *Тертуліаномъ* изъ творѣнія, написанного прежде его о семъ же предметѣ Священно-мученикомъ *Иринеемъ*, Епископомъ Ліонскимъ.

раются они сохранить то, что поздно полагаютъ открыть. Но къ чему стремятся эти вздохи кандидатовъ, эта печать молчанія на устахъ, это божество, пребывающее въ святилищѣ? Къ открытию эмблемы человѣческой возмужалости. Аллегорическое истолкованіе, пользуясь почтеннымъ именемъ природы, прикрываетъ святотатство подъ образомъ фигуры, и оправдываетъ себя отъ упрека во лжи обожаемымъ призракомъ.

Такъ точно поступаютъ и еретики, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло. Прикрывая свои суетные и постыдные вымыслы священными именами и доводами Религіи, употребляя притомъ во зло тройственность Божественныхъ лицъ, и полагая, якобы отъ иѣсколькихъ Боговъ происходятъ многіе, Валентиниане учредили у себя собственныя Элевсинскія таинства, и увѣряютъ легковѣрныхъ благочестивыхъ людей, что они священны по причинѣ глубокаго безмолвія, хотя вирочемъ ничего въ нихъ пѣть почтенаго, кроме обязанности молчать. Спроси ихъ о чёмъ либо откровенно: они примутъ строгій видъ, наморщатъ лобъ, и вогласятъ: «о глубина!» Войди съ ними въ ближайшій разговоръ: они утонченно и двусмысленно станутъ утверждать, что ихъ вѣра общая со всѣми. Если замѣтятъ они, что ты ихъ проникъ: то будутъ отрекаться ото всего. Если ты приступишь къ нимъ съ большою настойчивостію: то они притворятся легковѣрными простаками. Они таинъ своихъ не открываютъ даже и своимъ ученикамъ, пока въ нихъ не увѣрены. Они обладаютъ искусствомъ прежде убѣждать, нежели научать. Но истина убѣждаетъ, научая; а не научастъ убѣждая.

II. Потому-то они обыкновенно упрекаютъ насъ въ простотѣ, какъ будто бы нельзя уже быть вмѣстѣ

и простымъ и мудрымъ, и какъ будто бы мудрость чужда простоты, тогда какъ Господь соединяетъ ихъ между собою, говоря: «*будите мудри яко змія, и цьли (просты) яко голубіе* (Мате. X. 16).» Стало быть если мы безумны, потому что просты: то и противники наши должны быть просты, потому что мудры. Кто не простъ, тотъ нечестивъ. Кто не мудръ, тотъ безумецъ. Между тѣмъ, если бы предложало сдѣлать выборъ, я предпочель бы порокъ менѣе важный, потому что лучше мало знать, нежели слишкомъ много знать, лучше самому обманываться, нежели другихъ обманывать. «*Мудрствуйте о Господѣ въ благостишии, и въ простотѣ сердца взыщите Его* (Прем. Сол. I. 1), говоритъ Премудрость, но премудрость не Валентинова, а Соломонова. Во вторыхъ истинныя дѣти засвидѣтельствовали кровю въ ру свою во Иисуса-Христа. Люди, вопившіе: *распни, распни Его!* безъ сомнѣнія были не дѣти, и не иѣмые, то есть, не были простые люди. Да и Апостоль повелѣваетъ намъ быть дѣтьми по Богу, изъясняясь такъ: «*алюбою младенствуйте, умы же совершенки бывайте* (I. Корине. XIV. 20).» Такимъ образомъ доказано, что прямая мудрость проистекаетъ отъ простоты. Словомъ сказать, голубь всегда служить прообразованіемъ Иисуса-Христа, а змія (діаволь) является только для того, чтобы искушать Его. Стало быть простота одна въ состояніи познать и заявить Бога; а мудрость сама по себѣ легко можетъ преслѣдоватъ Его и измѣнить Ему.

III. Пускай змѣя скрывается, какъ можетъ, пускай оборотами и извилинами своими утомляетъ мудрость свою, углубляется въ подземныя мѣста, погружается въ мрачныя убѣжища, завертывается въ тмочисленные изгибы колецъ своихъ, никогда явно не

показываясь, и не терпя ни дня ни съята. Нашъ голубь обитаетъ во святыищѣ простоты, пребывая всегда на возвышенномъ мѣстѣ, и озаряя каждого сѣтомъ своимъ. Образъ Духа Святаго любить сіяніе востока, который есть образъ Иисуса-Христа. Истина ничего не стыдится, развѣ только того, когда бываетъ не открыта. Да и кто въ самомъ дѣлѣ постыдится слышать и почитать за Бога того, кого сама природа ему открываетъ, чье присутствіе онъ вседневно ощущаетъ въ Его дѣяніяхъ, кого онъ не вѣдаеть только тогда, какъ не признаетъ Его единимъ, какъ считаетъ Его множественнымъ, какъ обожаетъ Его въ Его тваряхъ? Отвергать множество боговъ для того, чтобы на мѣсто ихъ ввести множество другихъ боговъ, обратить вѣрующихъ отъ семейственной власти къ власти неизвѣстной, отъ видимаго господства къ господству сокровенному, значитъ тоже, что вооружить естественное вѣданіе противъ вѣры. Распрашивая объ источникѣ подобныхъ басней, не подумаешь ли ты, что слышишь росказни кормилицы въ твоемъ дѣтствѣ о черномъ котѣ и проч? Кто имѣеть понятіе о вѣрѣ, тотъ, услышавъ обо всѣхъ именахъ Эоновъ (боги Валентиніанъ), обо всѣхъ ихъ бракахъ, порожденіяхъ, смертяхъ, произшествіяхъ, счастіи и несчастіи ихъ божества, столь мелко раздробленнаго, конечно не усомнится признать все это за сущія басни и за тѣ безконечныя родословія (1 Тимое. I. 4), которыя осудилъ уже духъ Апостола прежде, нежели сретическія эти сѣмена начали проявляться. Такимъ образомъ, чуждаясь простоты и руководствуясь мимою мудростію, справедливо поступаютъ эти люди, когда, пораждая съ трудомъ и защищая косвенно подобные небылицы, не передаютъ ихъ вполнѣ собственнымъ даже ученикамъ, потому что онъ или постыдны, когда

предлагаются ухищренно, или противны понятію человѣческому, когда бы даже были и уважительны. Сколько однакожъ мы ви просты, но памъ все извѣстно. Симъ - то первымъ оружіемъ мы и воспользуемся, чтобы, приступая къ дѣлу, прежде всего обличить ихъ совѣсть, а потомъ уже одержать надъ ними победу; ибо обнаружить то, что съ такимъ усиліемъ скрывается, тоже самое есть, что уничтожить его.

IV. Еще повторяемъ, что намъ вполнѣ известно ихъ происхожденіе. Мы знаемъ, почему даемъ имъ имя Валентиніанъ, хотя они въ томъ и не сознаются. Правда, что они удалились отъ своего основателя; но тѣмъ не уничтожили своего отъ него происхожденія, и если случайно что измѣнили, то это самое измѣненіе и служить противъ нихъ свидѣтельствомъ. *Валентинъ* надѣлся получить Епископство, потому что имѣлъ дарованіе и краснорѣчіе. Вознегодавъ, что другой, по праву мученичества, удостоенъ сего званія, онъ пагло отторгся отъ Церкви, исповѣдующей истинную вѣру, и послѣднія примѣру людей, томящихся жаждою мщенія для приобрѣтенія почестей, употребилъ всѣ силы свои къ тому, чтобы испровергнуть истину. Нашедши корень одного древняго миѳія, онъ проложилъ дорогу *Коларбазу*. Явился потомъ *Птоломей*, который, обозначивъ имена и числа Зоновъ, обратилъ ихъ въ личныя сущности, но поставилъ виѣ Бога, вмѣсто того что *Валентинъ* включилъ ихъ въ сущность божества подъ названіемъ ощущеній, склонностей и движений. *Геракlionъ*, *Секундъ* и волхвъ *Маркъ*, распространили ученіе сіе вѣсколько и съ своей стороны. *Теотимъ* занимался особенно призраками закона. Посему теперь нѣтъ почти уже и рѣчи о *Валентинѣ*. За всѣмъ тѣмъ еретики эти именуются Валентиніанами, потому что начало свое воспріяли

со временем *Валентина*. Одинъ только *Аксіоникъ* въ Аптюхії доселѣ поддерживаетъ память *Валентинову* во всей строгости правильгъ его. Впрочемъ эта ересь пріемлетъ столько же разныхъ видовъ, сколько безпутная женщина обыкновенно измѣняетъ свое лицо и платье. Да и почему не такъ? Еретики г҃ь каждомъ изъ своихъ собратій находятъ свое духовное съмѧ. Выдумавъ какую либо новость, они тотчасъ называютъ откровеніемъ то, что одна только есть догадка, священнымъ даромъ то, что только есть человѣческое изобрѣтеніе, разнообразіемъ то, что составляетъ единство. Вотъ почему, не говоря объ обыкновенномъ ихъ притворствѣ, мы усматриваемъ, что большая часть изъ нихъ между собою разделены. Объ извѣстныхъ предметахъ они даже откровенно вами скажутъ: «это не такъ; я понимаю это иначе; я этого не принимаю.» Да и подлинно виды устанавливаемыхъ ими правилъ подновляются разнообразіемъ, которое часто пріемлетъ даже прикрасы нег҃ожества.

V. Я намѣренъ вооружиться противъ коренныхъ догматовъ первоначальныхъ учителей, а не противъ лицемѣрныхъ вождей учениковъ, блуждающихъ по своему произволу. Не думая, чтобы кто могъ насть упрекнуть въ своевольной выдумкѣ предметовъ, которые излагали и опровергали муки святые и просвѣщенные, не только предшественники, но и современники ересіарховъ, каковы суть: *Іустинъ*, філософъ и мученикъ, *Милціадъ*, поборникъ церкви, *Ириней*, ученый послѣдователь всѣхъ подобныхъ учений, нашъ *Прокулъ*, дѣйственникъ до глубокой старости, честь и слава Христіанскаго краснорѣчія. Далъ бы Богъ, чтобы я поравнялся съ ними въ отношеніи какъ къ прочимъ подвигамъ вѣры, такъ и къ предлежащему мнѣ труду. Нѣть сомнѣнія, что если бы ереси не существо-

вали, такъ что надлежало бы обвинять въ изобрѣтѣніи ихъ тѣхъ, кто ихъ опровергаетъ: въ такомъ случаѣ Апостолъ, предвозвѣстившій ихъ, сказалъ бы неправду. Но нѣтъ! онѣ существуютъ, и существуютъ именно въ тѣхъ видахъ, какъ предъявлены. Да и кто столько имѣеть празднаго времени, чтобы заниматься выдумками, имѣя готовые материалы?

VI. Чтобы странными, чудными, двусмысленными, своевольно выдуманными именами не омрачить ума, я долженъ предувѣдомить, какимъ образомъ стану употреблять эти имена, полагая въ сей статьѣ запяться однимъ только изложеніемъ, а не опроверженіемъ сей таинственной путаницы. Нѣкоторыя изъ сихъ именъ, будучи заимствованы изъ Греческаго языка, не имѣютъ тождественнаго значенія ни въ какомъ другомъ языкѣ; другія принадлежатъ къ особому роду; иныя наконецъ болѣе употребительны. Такимъ образомъ, мы будемъ заимствовать по большей части Греческія слова и присовокуплять иногда къ нимъ нѣкоторыя объясненія, дабы кто не сбился съ толку. На сей разъ я отлагаю всякую прямую борьбу, и удовольствуюсь, какъ уже сказалъ, однимъ только изложеніемъ; одножиль, гдѣ безразсудство ученія заслужитъ порицаніе, тамъ не буду чуждаться поверхностнаго и быстрого обозрѣнія.

Представь себѣ, читатель, что ты присутствуешь на какой-либо стычкѣ прежде сраженія. Я обозначу удары, но не стану далеко углубляться. Если что возбудить въ тебѣ смѣхъ: то это будетъ знакомъ, что ты отдаешь справедливость подобнымъ недѣностямъ. Многія изъ нихъ и не заслуживаютъ другаго опроверженія: всякой дѣльный отвѣтъ могъ-бы только придать имъ болѣе важности. Смѣшное естественно вѣдеть къ сущимъ центрамъ. Но и самой истинѣ

иногда прилично смеяться, потому что она не чужда веселости; прилично ей шутить на счетъ своихъ враговъ, потому что она угбрана въ своей силѣ. Надлежитъ только избѣгать, чтобы смѣхъ ея не возбудилъ въ комъ неумѣстнаго злорѣчія. Впрочемъ смѣхъ, гдѣ онъ приличенъ, тамъ исполняетъ свою обязанность. Приступаю къ дѣлу.

VII. Латинскій поэтъ Эпій, первый сказалъ, что трапезы небесныя безпредѣльны, по причинѣ-ли огромности мѣста, гдѣ онѣ совершаются, или потому, что читалъ въ Гомерѣ о празднествахъ, даваемыхъ тамъ Юпитеромъ. Но еще удивительнѣе то, сколько вершинъ на вершины, возвышенній на возвышенія, наши еретики пагромоздили, навѣсили и нацарапляли вънѣбѣ, чтобы составить обиталище каждому изъ своихъ боговъ. Эти трапезы, приписываемыя Эпіемъ нашему Создателю, расположены въ видѣ небольшихъ помѣщеній, украшены балконами поэтажно и разделены для каждого бога столькими лѣстницами, сколько произошло ересей. Миръ сдѣлался настоящею купеческою конторою. Види столько тысячи ступеней на небѣ, ты бы назвалъ все это благополучнымъ какимъ либо островомъ. Но гдѣ онѣ? Это неизвѣстно. Тутъ-то обиastь богъ Валентинанъ какъ-бы на чердакѣ подъ кровлю. Въ отношеніи къ сущности его, они его называютъ совершеннымъ Эономъ, а въ отношеніи къ лицу Проархомъ, Археемъ или Битосомъ, приписывая ему послѣднее слово такое, которое никакъ не прилично тому, кто живеть въ высотѣ. Они провозглашаютъ его безначальнымъ, беспредѣльнымъ, бесконечнымъ, невидимымъ, вѣчнымъ, какъ будто-бы опредѣлять его такимъ, каковъ онъ по ихъ понятіямъ долженъ быть, значило доказать, что онъ дѣйствительно

таковъ, и получить чрезъ то право говорить, что онъ всегда былъ таковъ, и предшествовалъ всѣмъ вещамъ. Я требую, чтобы ты прямо мнѣ доказалъ его существованіе, и тутъ-же замѣчаю, что боги твои, представляемые мнѣ предшественниками всѣхъ вещей, на самомъ-то дѣлѣ являются послѣ всѣхъ вещей, и при томъ такихъ вещей, которыхъ имѣ не принадлежать.

Но быть такъ! этотъ *Битосъ* въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ пребывалъ прежде въ тишинѣ и въ непарушимомъ покой миролюбиваго, или лучше сказать беззмысленнаго божества, однимъ словомъ пребывалъ такимъ, какимъ повелѣль ему быть Эпикуръ. Между тѣмъ, выставляя сего бога за единаго, они придаютъ ему въ союзѣ съ нимъ другое лицо, именуемое ими *Харисъ* или *Сиге*. Новое безразсудство! Они погоргаютъ его изъ столь блаженнаго состоянія, дабы онъ изъ самаго себя извлекъ основное начало всѣхъ вещей. Начало это вселяетъ онъ въ пѣдра своей *Сиге*, и она дѣлается беременною. Тотъ, кого она родить, называется *Нусъ*, совершенно подобный отцу своему, и во всемъ ему равный. Онъ одинъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всю безпределность и все неизложимое величие отца. Почему и самъ онъ именованъ отцемъ, началомъ всѣхъ вещей, и, собственно сказать, *единороднымъ*, хотя впрочемъ слово это тутъ не свойственно, потому что онъ былъ не единственный сынъ. Послѣ него родилась еще женщина, по имени *истина*. Не лучше ли бы было назваться ей *первороднымъ*, а не *единороднымъ*, потому что онъ первый, но не одинъ, произведенъ на свѣтъ? Такимъ образомъ *Битосъ*, *Сиге*, *Нусъ* и *Истина*, какъ первая *квадрига* (*), въ которую запряглась secta Валентини-

(*) Двуколесная колесница, запряженная четырьмя лошадьми.

анъ, была источнымъ началомъ и происхожденiemъ всѣхъ другихъ подобныхъ боговъ.

Нуcъ, какъ скоро получила способность рождать, производить *слово и жизнъ*, изъ которыхъ послѣдняя видно дотолѣ не существовала и въ *Битосъ*. Но какъ полагать, чтобы жизни не было въ Богѣ? Эта новая дѣвица, сотворенная на тотъ конецъ, чтобы положить начало *всебишности* и усовершить *Плерумъ* (жилище Эоновъ), съ своей стороны рождаетъ и воспроизводить *человѣка и церковь*. Вотъ тебѣ и *Осмерница*, двойная *Четверица*, происшедшая отъ совокупленія мужескаго и женскаго пола: это житница первоначальныхъ Эоновъ, зачало братскихъ супружествъ между богами Валентинианъ, источникъ всей святости и велелѣпія сей ереси; а лучше сказать, это скопище злодѣйній или боговъ, никому неизвѣстныхъ, это зародышъ всего послѣдующаго плодоносія.

VIII. Вторая четверица *слово, жизнь, человѣкъ и церковь*, не укоснила также воздать должную почесть отцу. Желая принести отцу отъ себя что либо сообразно съ числомъ своимъ, они произвели другіе плоды отъ союза двойственной своей природы, и слѣдовательно отъ взаимнаго совокупленія. Съ одной стороны *слово и жизнь* производятъ на свѣтъ вдругъ десять Эоновъ, а съ другой *человѣкъ и церковь* порождаютъ сверхъ десяти еще двухъ, то есть двѣнадцать, дабы такимъ образомъ пополнить все число тридцати Эоновъ. Имена десятерицы слѣдующія: *Битосъ* и *Микисъ*, *Агератосъ* и *Генозисъ*, *Автобиесъ* и *Гедоне*, *Ацинетосъ* и *Синкразисъ*, *Ионогенесъ* и *Макаріа*. А вотъ имена въ дванадцати: *Параклетъ* и *Пистисъ*, *Патрикосъ* и *Элписъ*, *Метрикосъ* и *Агапе*, *Аинусъ* и *Синезисъ*, *Экклезіастикусъ* и *Макаріотесъ*, *Телетъ* и *Софія*. Я принужденъ объяснить здѣсь, ссылаясь на подобный

же примеръ, чего еще не достаетъ подобнаго рода имѣніемъ. Въ Кареагенскихъ школахъ находился педантъ Латинскій риторъ, по имени *Фосфоръ*. Однажды, принявши на себя видъ храбреца, онъ сказалъ: «о сограждане! Я только что съ поля сраженія, одержалъ побѣду, принесъ вамъ счастіе; я прославился, возросъ, благоденствую, торжествую.» Вдругъ ученики его вскричали: ура семейству *Фосфорову!* — Тебѣ известны теперь имена *Агратоса, Гедоне, Ацинета, Телета*. Что мѣшаетъ тебѣ также воскликнуть: ура семейству *Итломееву!*

Вотъ тотъ таинственный *Церомъ*, который составленъ изъ полноты Божества, распределенного между тридцатью лицами. Мы увидимъ послѣ, какія преимущества получили числа: четверица, осмерица и двадцать. Между тѣмъ надобно замѣтить, что все это плодоносіе останавливается на числѣ тридцати лицъ. Видно вся сила, способность и плодотворное могущество тутъ истощились, какъ будто бы не было уже болѣе ни чиселъ, ни другихъ именъ, которыхъ бы какой нибудь педагогъ могъ имѣть преподавать. Почему въ самомъ дѣлѣ не довести порождений до пятидесяти или до ста? За чѣмъ оставлять въ забвѣніи кормилицъ и товарищей всѣхъ сихъ боговъ?

IX. Но вотъ открывается настоящее лицепріятіе. *Нусъ* одинъ изъ всѣхъ наслаждается познаніемъ непостижимаго отца и вкушаетъ радость и веселіе, между тѣмъ какъ другіе находятся въ печали. Правда, что *Нусъ*, поколику могъ, желалъ и даже покушался сообщить другимъ то, что зналъ о величинѣ и непостижимости отца. Но *Сиге*, мать его, тому воспротивилась, та самая *Сиге*, которая предписываетъ молчаніе еретикамъ, адептамъ своимъ, хотя они обязаны эту и возлагаютъ на счетъ отца, который, судя по

словами ихъ, желаетъ посредствомъ того возбудить вожделѣніе. Между тѣмъ въ то время, какъ Эоны мучились внутрь себя, и втайни сгарили желаніемъ по-знать отца, злодѣяніе едва было не совершилось. Изъ двѣнадцати Эоновъ, произведенныхъ человѣкомъ и церковью, послѣдній, по имени *Софія*, не можетъ воздержать себя, устремляется отыскивать отца, безъ сообщества супруга своего *Филета*, и впадаетъ въ порокъ, который хотя и объемлетъ всѣхъ другихъ Эоновъ около *Пуса*, но перешелъ собственно въ сего Эона, то есть, въ *Софію*, подобно какъ болѣзни, раздающіяся въ тѣлѣ, переливаютъ ядъ своей въ другіе члены. Между тѣмъ подъ предлогомъ любви къ отцу, она питала жестокую зависть къ *Нусу*, который однѣй наслаждался преимуществомъ отца. Когда такимъ образомъ *Софія*, желая невозможнаго, обманывалась въ своихъ ожиданіяхъ: то будучи одолѣваема трудностями, и предаваясь болѣе и болѣе вожделѣніямъ, она едва было не сгорѣла совсѣмъ отъ пламени любви и отъ розысканий объ отцѣ, едва не погибла отъ того въ сущности своей. Правду сказать, она не прервала бы своихъ розысканий, прежде нежели бы погибла, если бы по счастію не встрѣтила *Горуса*, имѣющаго ту доблѣсть, что онъ есть основаніе и виѣшній стражъ совершеннаго *Плерома*, и именуется еще *крестомъ, Литротеномъ и Карпастеномъ*. Такимъ образомъ *Софія*, освободясь отъ опасности, и убѣдясь въ суетѣ своего намѣренія хотя и поздо, нашла покой, отрекшись отъ исканія отца, и произвела на свѣтъ *Энти-мезисъ*, то есть, *пожеланіе вмѣстѣ съ страстью*.

X. Иные иначе мечтали о злополучіи и возстанованіи *Софіи*. Послѣ тщетныхъ усилий и по испроверженіи своихъ ожиданій, она по видимому подверглась безобразію, блѣдности, исхудалости и небреженія о

своей красотѣ, какъ-то и свойственно женщинѣ, оплакивающей отторгнутаго отъ любви ея отца, съ пролитiemъ столь горькихъ слезъ, какъ будто бы она его дѣйствительно лишилась. Послѣ того она сама собой, безъ всякаго супружескаго соптія, въ горести своей зачала и родила лоchь. Вы вѣрно удивляетесь такому чуду. Но развѣ курица не имѣеть силы рожать сама собою? Говорятъ, что птицы грифы всѣ женскаго пола, и бываютъ матерями безъ мужскаго участія. Софія сперва печалится о несовершенствѣ плода своего, потомъ боится, чтобы смерть не постигла ес; она не знаетъ, что думать о причинѣ сего происшествія, и тщательно скрываетъ свою беременность. Лѣкарствъ противъ того нѣть никакихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, были ли тогда трагедіи и комедіи, изъ которыхъ бы можно было научиться, какимъ образомъ извергать или подкидывать плодъ, произведеній вопреки законовъ воздержанія? Терпя боли дѣтворожденія, она подымаетъ глаза и обращается къ отцу своему. Тщетныя усиленія! Силы оставляютъ ее: она падаетъ на колѣна, чтобы помочиться. Всѣ родство вступается и просить за нее. Нусъ принимаетъ въ ней участіе болѣе другихъ. Да и почему не такъ? Не онъ ли причиной всего зла? Между тѣмъ ни одно изъ злополучій Софіи не было бесполезно: всѣ труды ея оказались плодоносны. Дѣйствительно бѣдствія ея породили Матерію (вещество). Невѣжество, страхи и печали ея производятъ столько же сущностей. Тогда отецъ ея, подвигнутый милосердіемъ, при содѣйствіи Нуса-Единороднаго, порождаетъ эти сущности въ женѣ мужскаго пола, и возвращаетъ въ нихъ свой образъ. Валентиніансъ на соглашуюся на счетъ того, какаго пола Отецъ. Они присовокупляютъ тутъ Горуса, котораго именуютъ Метагогесомъ, то есть, вокругъ обводящимъ, и Горотето-

сокъ. Чрезъ него-то, говорять они, *Софія* была отвращена отъ непозволенного пути, избавлена отъ бѣдствій своихъ, укрѣплена, вновь обращена къ супружеству, и наконецъ водворена въ *Плеромъ*. Что касается до ея дочери *Энтиземисъ* и спутницы ея *Страсти*: то она *Горусомъ* была изгнана, распята и исключена изъ числа *Эоновъ*. Она называется *Зломъ*, но составляетъ сущность духовную, потому что была естественное произведение *Эона*, хотя впрочемъ сама по себѣ есть сущность безобразная и отвратительная; ибо матерь ея объяла одну только пустоту, и следовательно произвела плодъ немощный, женскій.

XI. Послѣ того какъ *Энтиземисъ* была отвергнута, а *Софія* возвращена супругу своему, этотъ *Единородный*, этотъ *Нусъ*, освободясь отъ всякаго понечеія касательно своего отца, и желая упрочить всѣ вещи, укрѣпить *Плеромъ* и пансегда опредѣлить число его жителей, изъ опасенія, дабы впредь снова не возмутило его какое либо подобное волненіе, *Нусъ* заключилъ число это новымъ порожденіемъ *Христа* и *Духа-Святаго*: это также была мерзость совокупленія двухъ особъ мужескаго пола, или, какъ другіе говорятъ, *Духъ Святый* бытъ пола женскаго, и мужескій полъ оплодотворился отъ женскаго пола (*). Эти два существа составляютъ одно божество, довершающее союзъ *Эоновъ*. Отъ такой общей обязанности того и другаго произошли двѣ школы, двѣ церкви и какъ бы основное начало распри въ учениіи *Валентиновомъ*. Долгъ *Христа* есть вразумлять *Эоновъ* на счетъ свойства ихъ связей, преподавать имъ понятіе о томъ, что кому врождено, и дѣлать ихъ способными пораждать

(*) Читатель не долженъ забывать, что это мнѣніе еретиковъ. *Перев.*

въ себѣ познаніе обѣ отцѣ, потому что не возможно сего ни объять, ни познать, ни видѣть, ни слышать иначе, какъ посредствомъ *Единородного*. Мы согласны, чтобы они познавали Его такимъ образомъ, лишь бы только познавали чрезъ Сына. Но нельзя не опровергнуть пагубнаго ихъ ученія, состоящаго въ томъ, якобы непостижимость Отца была причиной присно-сущія Эоновъ, а постижимость Его побужденіемъ къ ихъ порожденію и образованію. Это предложеніе, если я не ошибаюсь, внушиаетъ ту мысль, что было бы весьма выгодно, лабы Богъ не былъ понятъ, потому что необъемлемое въ Немъ служить причиной присносущія, а объемлемое произволить не присносущіе, но порожденіе и случайность, чуждая присносущія. Сынъ, говорятъ они, одинъ въ состояніи постигать отца. Но какимъ образомъ онъ постигается? Родившійся Христосъ тому научилъ. Отпосительно *Духа-Свя-таго*, особая обязанность его слѣдующая: бдѣть, чтобы всѣ люди, имѣя одинакову любовь къ ученис, удо-стоивались также одинакихъ даровъ благодати и вхо-дили въ истинный покой.

XII. Всѣ Эоны равны между собою какъ по обра-зу такъ и по мудрости своей: они вообще суть то, что каждый изъ нихъ частно, не отличалась ничѣмъ другъ отъ друга, потому что всѣ взаимно подобны. Каждый Эонъ мужескаго пола переходить можетъ въ *Нуса*, въ *Слово*, въ *Человека*, въ *Филета*, а женска-го въ *Сиге*, въ *Церковь*, въ *Жизнь*, такъ что *Овидий* вѣрно отрекся бы отъ всѣхъ своихъ превращеній, ко-гда бы зналъ гораздо чудеснѣйша превращенія на-шихъ временъ. И такъ всѣ Эоны соединены, упроче-ны и наслаждаются покоемъ посредствомъ *истины*: тогда среди восторговъ радости они прославляютъ от-ца хвалебными пѣснями. Отецъ самъ исполняется ве-

селя, слыша радостные клики сыновъ и внуковъ своихъ. Да и почему не восхищаться ему блаженствомъ, когда *Плеромъ* не имѣть уже причины чего либо бояться? Какой кормчій не веселится до безумія? Мы видимъ вседневно моряковъ, предающихся неумѣреннымъ и шумнымъ восторгамъ. Развѣ не видѣлъ ты матросовъ, трепещущихъ отъ удовольствія, при видѣ обѣднаго стола, въ снабженіи котораго лествами каждый изъ нихъ участвовалъ? Нѣчто подобное происходитъ и между Эонами. Будучи смышаны все вмѣстѣ по своему образу, а наче по чувству, и видя присоединяющихся къ нимъ новыхъ братьевъ и новыхъ властителей, каковы *Христосъ* и *Духъ Святый*, они вносятъ въ общину все то, что у кого есть лучшаго и превосходицшаго; или, можетъ быть, я и ошибаюсь: такъ какъ все они суть одно и тоже по причинѣ упомянутаго предъ симъ ихъ равенства, то я неправильно сравнилъ ихъ съ обѣденнымъ столомъ, именуемымъ у нихъ *Символомъ*, котораго главное достоинство состоить въ разнообразіи. Все они приносить въ общину одно и тоже благо, самихъ ихъ составляющее.

Не худо можетъ быть разсмотрѣть способъ или образъ такового общаго ихъ равенства. Изъ денегъ, отъ многихъ (еретиковъ) поступающихъ, судя по написанію, они сооружаютъ въ честь и славу Отца блестящую звѣзду *Плерома*, и тутъ же пріобщаютъ Иисуса, именуя его *Сотеромъ*, *Христомъ* и родоначальникомъ *Словомъ*, въ подражаніе вѣроятно устарѣлымъ названіямъ птицы сони *Езоповой*, пандоры *Гезіодовой*, драгоценнаго блюда *Акціева*, лѣкарства *Несторова*, всякой всячины *Иполомеевой*. Не легче ли было симъ безумнымъ выдумщикамъ имень, по примѣру Аенинъ въ некоторыхъ зрелицахъ, назвать это *Пан-*

карномъ (звѣроборствомъ)? Но чтобы придать болѣе виѣшияго блеска великоглѣдному идолу своему, они включаютъ въ число спутниковъ его еще и Ангеловъ. Они равны *Сотеру*. Но если они единосущны съ *Сотеромъ* (на этотъ счетъ ясно не говорятъ): то какъ они можетъ возвышенъ быть надъ равными себѣ?

XIII. Первый разряда Эоновъ содержитъ въ себѣ первое ихъ происхожденіе: они рождаются, женятся и производятъ дѣтей. Сюда принадлежать: опасная приключенія *Софии*, жаждущей познать отца; пособіе *Горуса*, явившагося кетати ей на помощь; очистительная жертва Энтилезисъ и спутницы ея *Страсті*; поученія Христа и Духа Святаго; охранительное прообразованіе Эоновъ; украшенія *Сотера*, уподобляющіяся павлиньямъ перьямъ, и наконецъ Ангелы, стражи его, хотя и равны ему. Что жъ потомъ, спросишь ты? Рукоплещи, и выходи изъ театра; или лучше выслушай, что мнѣ еще остается сказать, и заяви впередъ презрѣніе свое ко всему сему.

Надобно знать, что все то, о чемъ доселѣ говорено, происходило въ округѣ *Плерома*: это первое явленіе трагедіи. Второй актъ исполняется виѣ завѣсы, отдѣляющей сцену, я хочу сказать, виѣ *Плерома*, если вирочемъ справедливо то, что дѣйствовать въ присутствіи отца и въ предѣлахъ надзора *Горуса*, значитъ имѣть свободное движеніе виѣ Бога или тамъ, гдѣ Его нѣть.

XIV. *Энтилезисъ* или *Ахамотъ* (новое данное ей имя, значеніе котораго не определено), будучи имѣстѣ съ неразлучною спутницею своею *Страстію*, сослана въ мѣста, удаленные отъ сѣта, состоящія однакожъ въ области *Плерома* и напоминающія пустоту Эпикуропу, *Энтилезисъ* бѣдствуетъ среди самого мѣста своего изгнанія. Она по прежнему не имѣеть ни об-

раза ип вида, будучи произведеніемъ незрѣлымъ и уродливымъ. Когда все это такъ происходило, Христосъ, убѣжденный вышними Эонами, сводится на землю *Горусомъ*, дабы силою своею усовершить таковое недостаточное произведеніе, даровавъ ему однажды образъ только сущности, а не вѣданія, котораго впрочемъ частичка ей досталась, потому что она сохранила запахъ нетлѣнія, прелъувѣдомившій ее о несчастіі ея, и побудившій ее желать превосходиѣніишихъ даровъ. Христосъ, исполнивъ этотъ подвигъ милосердія при содѣйствіи *Духа Святаго*, возвращается въ *Плеромъ*.

Обычай приписываетъ вещамъ имена, напоминающія избавителя. *Энтиmezисъ* по происхожденію своему есть пожеланіе. Но откуда взялась *Ахамотъ*? До сихъ поръ еще подлежитъ это розысканію. *Софія* происходить отъ отца, а *Духъ Святый* отъ Апгела, бывшаго во *Христѣ*, въ удаленіи отъ котораго *Энтиmezисъ* почувствовала пожеланіе. Посему-то она и устремилась искать свѣта. Если она совсѣмъ не знала *Христа*, потому что лѣйстіе его было невидимое: то какимъ образомъ могла она искать свѣта, который ей столько же быть неизвѣстенъ, какъ и виновникъ его? Но она на то покусилась, и можетъ быть сї и удалось бы успѣть въ томъ, если бы тогъ же самый *Горусъ*, который столь счастливо помогъ матери ея, не противостоялъ по несчастію дочери, и не закричалъ ей: *Iao*, подобно какъ бы кто сказалъ: *назадъ, Римляне*, или же: *заклинаю васъ именемъ Кесаря*. Вотъ откуда происходитъ слово *Iao*. *Энтиmezисъ*, остановленная въ своихъ исканіяхъ, не имѣя возможности достигнуть до *Креста*, то есть, до *Горуса*, потому что никогда не играла никакой роли въ *Лавреомъ*, Котулловой трагедіи, и предавшись наконецъ спутницѣ своей *Стран-*

сти, начала чувствовать всѣ ея мученія и угрызенія: чувствовать *Печаль* отъ того, что не успѣла въ своемъ предпріятіи; чувствовать *Страхъ*, опасаясь лишиться жизни, какъ лишилась свѣта; чувствовать *Смутеніе* и *Невѣжество* свое. Съ нею не то было, что съ ея матерью. То была Эонъ; а ея положеніе тѣмъ плачевиѣ было, что она должна была бороться съ другимъ затрудненіемъ, я хочу сказать, съ *обращеніемъ* ея посредствомъ Христа, чрезъ котораго она была возвана къ жизни и направлена къ сему обращенію.

XV. Пиагорейцы, Стоики, и ты, *Платонъ*, познайте наконецъ, откуда матерія, признанная вами самородившееся, получила свое происхожденіе и существование въ сей обширной громадѣ вселенной, познайте таинство, котораго и самъ *Меркурій—Трисметистъ*, глава всѣхъ естествоиспытателей, не могъ проникнуть. Ты сей часъ только слышалъ слово *Обращеніе*, другой родъ *Спрасты*. Отъ него-то, какъ пыны увѣряютъ, образовалась душа міра сего, душа *Деміурга*, то есть, душа Бога нашего. Выше приведены *Печаль* и *Страхъ*: отъ нихъ порождены всѣ творенія. Масса водъ произошла отъ слезъ *Ахамоты*. Можешь себѣ представить огромность ея бѣдствія отъ множества водъ, истекшихъ изъ глазъ ея. Изъ нея лились воды и соленые, и горькія, и сладкія, и теплые, и холодныя, и сѣрныя, и желѣзныя, и селитренныя, и ядовитыя, такъ что отъ нихъ вѣроятно замѣтывалъ ядъ свой источникъ Нонакрисъ, умертвивший Александра, и произошли источники *Липчестъ* и *Салмацистъ*, изъ которыхъ одинъ производитъ пьянство, а другой обезсиливаетъ мужество. *Ахамотъ* также извела съ неба дожди, испуская вопли: это стороннія горести и слезы наши, которыя хранимъ мы въ водоемахъ. Равнымъ образомъ и тѣлесныя стихіи извлечены изъ ея же смущенія.

нія и робости. Между тѣмъ среди безмѣрнаго своего уединенія, будучи оставлена отъ всѣхъ, она отъ времени до времени улыбалась, воспоминая свиданіе свое со Христомъ, и отъ радостной улыбки ея отражался свѣтъ. За чѣмъ заставлять ее улыбаться этотъ благотворный даръ Провидѣнія? Не для того ли, чтобы человѣкъ жилъ здѣсь на землѣ не всегда во тьмѣ? Не удивляйся, что изъ веселія ея истекла столь свѣтлая сіихъ, потому что и изъ ея печали произошло для мира столь необходимый дѣятель. О смѣхъ освѣщающій! О слеза орошающая! Ахамотъ однакожъ имѣла врачевство противъ жестокости своего положенія. Каждый разъ, когда хотѣла она разогнать мракъ своего заточенія, ей стоило только улыбнуться, чтобы по крайней мѣрѣ не прибѣгать къ тьмѣ, которые ее оставили и отвергли.

XVI. Послѣдняя материцкому примѣру, она рѣшилась обратиться къ молитвѣ. Но Христосъ, которому видно не захотѣлось въ другой разъ оставить *Плерому*, поручилъ *Параклому* заступить свое мѣсто. Въ слѣдствіе того онъ посылаетъ къ ней *Сотира* или *Иисуса*, которому отецъ предоставилъ полную власть надъ всѣми Эопами: онъ даровалъ ему силу заставлять Эоновъ приводить въ исполненіе свои законы, дабы, по словамъ Апостола, *все въ немъ обновлено было*. Онъ послалъ его къ Ахамотѣ въ сопровождении ангеловъ, которые родились вместе съ нимъ. Нельзя ли тутъ подумать, что передъ ними иссено было двѣнадцать пуковъ палокъ? Ахамотъ, испугавшись окружавшей его пышности, надѣваетъ на себя покрывало, увлеченная сперва чувствами почтенія и скромности: потомъ всматривается въ него и въ его спасительное сияніе. Она къ нему приближается, получить отъ него надлежащую къ тому силу, и восклицаетъ: радуй-

ся, Господи! Тогда онъ ее пріемлетъ, укрѣпляетъ ее, къ первому ея образу присовокупляетъ образъ вѣдѣнія, и избавляетъ ее отъ всѣхъ скорбей *Страсті*, которую изгоняетъ изъ нея тщательно, неожели какъ поступиль прежде въ отношеніе къ несчастіямъ ея матери. Потомъ собравъ во едино всѣ эти застарѣлые и отъ времени усилившіеся пороки, и составивъ изъ нихъ твердую массу, онъ раздѣлилъ ихъ такъ, чтобы они могли произвестъ тѣлесное вещество (матерію); а безтѣлесную *Страсть*, не отдѣльную отъ Ахамоты, заставилъ проникнуть немедленно въ сопротивныя сущности тѣлъ, такъ что изъ того произошли два рода сущностей: сущности зла, родившіяся отъ пороковъ, и сущности, подверженныя страстямъ, которыхъ породило *обращеніе*. Таково происхожденіе вещества или матеріи, которое между прочимъ вооружило часть противъ Гермогена (*) и противъ всякаго, кто утверждаетъ, что Богъ сотворилъ міръ съ пособіемъ матеріи, а не изъ ничего.

XVII. Ахамотъ, освободясь отъ бѣствий своихъ, болѣе и болѣе преуспѣваетъ и приносить вящіе плоды. Пламенѣя во всемъ своемъ существѣ радостію, что могли избѣгнуть злополучія своего, и входя въ нѣкоторый родъ броженія отъ созерцанія Ангельскаго свѣта (постыдно такъ говорить, но иначе нельзя изъясниться), она влюбляется внутри себя въ Ангеловъ, и посредствомъ духовнаго зачатія чувствуетъ утробу свою воздымающеюся предъ симъ призракомъ, который сила ея восторговъ и радость сластолюбива-го похотѣнія поселили и такъ сказать впечатлѣли въ ея сердце. Она наконецъ рождаетъ. Съ тѣхъ поръ явились три сущности, происшедшія отъ трехъ при-

(*) Смотри слѣдующую двадцать первую статью.

чинъ: первая материальная, родившаяся отъ *Страсті*; вторая душевная или животная, которая была личностью *обращенія*; третя духовная, истекшая отъ *воображенія*.

XVIII. Славившись болѣе способною къ дѣйствію посредствомъ трехъ своихъ дѣтей, она предпріемлетъ трудъ усовершенствовать каждый изъ сихъ родовъ. Но она не могла достигнуть того въ отношеніи къ духовной сущности, хотя сама была духовного свойства; ибо природа не позволяетъ равнымъ и однороднымъ существамъ дѣйствовать другъ на друга взаимно. Въ семъ памѣреніи она ограничивается усилиемъ свои надъ душевною или животною сущностю, по приведеніи въ дѣйствіе законовъ *Сотеровыхъ*. И во первыхъ (о богохульство, котораго ни изречь, ни прочесть, ни услышать безъ содроганія нельзя!) она производить нашего Бога, Бога всѣхъ вообще людей, исключая еретиковъ, Отца, Создателя, Царя всѣхъ существъ, въ послѣдствіи уже явившихся. Всѣ они дѣйствительно происходятъ отъ Него, а отнюдь не отъ *Ахамоты*, при содѣйствіи которой якобы Онъ. Самъ не вѣдалъ какъ, втайпъ и подобно автомату, извѣй побуждаемому, двигался при каждомъ изъ Своихъ произведеній. По причинѣ таковой шутаницы въ дѣйствующихъ лицахъ, еретики придаютъ сему Богу сложное имя *Метронатора*, тогда какъ вѣдь другія Его наименования отличны сообразно свойству и устройству Его дѣяній, такъ что въ отношеніи къ одушевленнымъ сущностямъ, располагая ихъ на правую сторону, они называютъ Его *Одцемъ*, а въ отношеніи къ материальными сущностямъ, отлагая ихъ по лѣвой сторону, именуютъ Его *Деміургомъ*; когда же дѣло идетъ объ общемъ управлѣніи, то приписываютъ Ему название *Царя*.

XIX. Но знаменование именъ не согласуется даже съ знаменованиемъ дѣяній, отъ которыхъ имена происходить, потому что всѣ эти дѣянія должны бы были носить ими той, которая ихъ сотворила, развѣ только, когда не она ихъ произвела. Да и въ самомъ дѣлѣ говоря, что *Ахаломъ*, желая воздать честь Эонализ, начертала въ умѣ своеемъ ихъ образы, еретики лишаютъ ее сей славы, относя ее къ первоначально-му ея виновнику *Сотеру*, котораго была она только орудіемъ, такъ что *Сотеръ* собственно вперилъ въ нее невидимый и невѣдомый образъ отца въ такой же образъ *Деміурга*, и онъ же преподалъ ей понятіе о *Нусъ-Деміургъ*, сынѣ его, въ то время, какъ *Архангелы*, произведенные *Деміургомъ*, были представителями всѣхъ другихъ Эоновъ. Видя столько образовъ, изходящихъ изъ трехъ существъ, я спрашиваю тебя, какъ миѣ не посмѣяться надъ образами столь безумнаго живописца. Какъ! Женщина *Ахаломъ* образъ отца! *Деміургъ* не вѣдаетъ матери, а тѣмъ паче отца своего! Образъ *Нуса*, который также отца своего не знаетъ! Ангелы, которые суть служители, становятся представителями своихъ властителей! Вотъ что называется срисовать лошака по образцу осла, или написать портретъ *Птоломея* по портрету *Валентина*.

XX. *Деміургъ*, находясь виѣ предѣловъ *Плерома*, и погрузясь въ юдоль вѣчнаго своего заточенія, создалъ новую провинцію или имперію, міръ сей, образовавъ его изъ душевныхъ или животныхъ и материальныхъ существъ, по прежде изгнанью оттуда хаось и привезъ въ порядокъ разнообразіе сей двойственной сущности. Изъ безтѣлесныхъ существъ творить онъ тѣла тяжелыя, легкія, исходящія и восходящія, небесныя и земныя; потомъ собственнымъ сѣдалищемъ своимъ увѣличавасть семью ярусовъ неба: отсюда получитъ онъ

название *Субботы* по причинѣ седмерицы его обиталища; отсюда также мать его *Ахамотъ* наименована *Осмерицею* (*ogdoas*) по примѣру первородной *Осмерицы*. Что касается до небесъ: то еретики приписываютъ имъ умъ, а иногда творять изъ нихъ *Ангеловъ* и самаго даже *Деміурга*. *Рай* есть четвертый ихъ *Архангель*, потому что они ставятъ его выше третьяго неба. Адамъ сохранилъ въ себѣ ибѣто отъ своей силы послѣ пребыванія на небѣ среди облаковъ и кустарниковъ. *Итоломей* не забылъ басней, разсказываемыхъ дѣтямъ, что въ морѣ случаются плоды, а на деревьяхъ рыбы. Вотъ почему онъ помѣстилъ на высотахъ неба вертограды. *Деміургъ* дѣйствуетъ слѣпо; а потому вѣроятно и не знаетъ, что деревья не могутъ рости нигдѣ, кромѣ земли. Мать вѣдала о томъ несомнѣнно. Почему же она не вразумила его на этотъ счетъ, образуя его понятія? Воздвигая для сына своего столь обширную имперію посредствомъ дѣяній, провозгласившихъ его отцемъ, богомъ и царемъ, почему не хотѣла она, чтобы эти дѣянія были ему извѣстны? Я буду разсуждать о семъ въ послѣдствіи.

XXI. Между тѣмъ надобно знать, что *Софія* также наименована *Землею* и *Матерью*, какъ бы кто сказалъ: *Мать—Земля*, и еще смѣшище: *Духъ Святый*. Еретики воздали женскому сему существу всѣ почести, дали безъ сомнѣнія ему и бороду, не говоря о прочемъ. За симъ *Деміургъ* по природной своей слабости, будучи не иное что, какъ душевное или животное существо, такъ мало умѣль посредствомъ познаній своихъ возвышаться къ духовнымъ вещамъ, что, считая себя только однимъ въ мірѣ, говорилъ самъ себѣ такъ: «я Богъ и илья иного, разве мене.» Однакожъ онъ зналъ, что прежде самъ онъ не существовалъ. Онъ понималъ, что былъ сотворенъ или рожденъ, и что сътво-

ренное существо всегда должно имѣть себѣ Создателя, кто бы онъ ни былъ. По какому же поводу можно было ему заключить, что онъ только одинъ въ мірѣ, если, не имѣя въ томъ точной увѣренности, онъ могъ подозрѣвать, что существуетъ какой либо Создатель?

ХХII. Охотнѣ прощаю я еретикамъ безразсудное ихъ заключеніе о *діаволѣ*, судя по низости происхожденія его. Они полагаютъ, что онъ родился отъ жестокой печали, какую чувствовала *Ахамотъ*. Они приписываютъ одинакое происхожденіе и Ангеламъ и демонамъ и всѣмъ родамъ духовныхъ силъ злобы. Между тѣмъ утверждаютъ также, что *діаволъ* есть произведеніе *Деміурга*, именуютъ его *властителемъ* міра, и считаютъ, что онъ по духовной своей природѣ знать высшихъ *Эоновъ* болѣе, нежели самъ *Деміургъ*, который весь душевнаго или животнаго свойства. Отецъ всѣхъ ересей (*діаволъ*) конечно заслуживаетъ въ полной мѣрѣ пользоваться отдаваемымъ ему въ семъ случаѣ преимуществомъ.

ХХIII. Власть каждой изъ всѣхъ показанныхъ выше силъ еретики заключаютъ въ слѣдующихъ предѣлахъ. На самой высшей высотѣ находится *Плеромъ* съ своими тридцатью лицами, крайняя границы кото-раго бережетъ *Горусъ*. Подъ сею высотою занимаетъ промежуточное мѣсто *Ахамотъ*, попирающа ногами сына своего. Внизу подъ нею обитаетъ со своею *сед-мерицею* *Деміургъ* или лучше сказать *діаволъ*, житель совокупно съ нами міра сего, которого каждая стихія, каждое тѣло, какъ выше упомянуто, произошли отъ тлетворныхъ злополучій *Софіи*, такъ что *Духъ* никогда не имѣлъ бы пространства ни вдыхать, ни испускать воздуха, который есть какъ бы легкое облаченіе всѣхъ тѣлъ, оживотвореніе всякаго рода цвѣтовъ, и орудіе къ измѣрению временій, если бы горесть *Софіи*

ие породила иѣкоторыхъ мѣлкихъ для того крупи-
нокъ, подобно какъ *страхъ* ея произвѣль животныхъ,
а также произвѣль собственное ея *обращеніе* и самаго ла-
же *Деміурга*. Во всѣ эти стихіи, во всѣ эти тѣла, вдунуть
быть огонь. А какъ они не объяснили еще, что такое
есть первоначальная *страсть*, произведеніе ихъ *Софіи*:
то я полагаю, что изъ ея судорожныхъ движений и хлы-
нула этотъ огонь. Весьма вѣроятно, что она отъ же-
стокихъ своихъ мученій одержима была трисавицею.

XXIV. Послѣ подобныхъ мечтаній о Богѣ, или о
богахъ, какихъ нелѣпостей надобно ожидать, когда
рѣчь дойдетъ до человѣка? *Деміургъ*, производя міръ,
приступилъ и къ сотворенію человѣка. «Для сущно-
сти его, говорятъ они, онъ не избралъ какой либо
части той суши, которую мы признаемъ за землю
«(какъ будто бы она хотя бы и не была послѣ су-
шено, не находилась въ персти, оставшейся послѣ
«раздѣленія водъ): но заимствовалъ для сего изъ не-
видимаго тѣла философской матеріи то, что въ ней
«было влажнаго и текучаго.» Откуда произошло
это влажное и текучее? Не могу того придумать
потому, что оно нигдѣ не существуетъ. Если это
суть два свойства жидкости, и если всякая жидкость
произошла отъ слезъ *Софіи*: то мы должны заклю-
чить, что эта перстъ образовалась отъ слизи и клей-
ной влаги *Софіи*, потому что это суть, если угодно,
дрожжи слезъ, такъ какъ то, что извергается, со-
ставляетъ перстъ водъ. Такимъ-то образомъ *Деміургъ*
творить человѣка и оживляетъ его своимъ дыханіемъ.
Отъ того человѣкъ становится земнымъ, душевнымъ
или животнымъ, по образу и подобию *Деміурга*: ста-
новится четвернымъ твореніемъ. Какъ образъ, онъ
почитается земнымъ, то есть, материальнымъ, хотя
Деміургъ и не материаленъ. Какъ подобіе, онъ есть

душевного или животного свойства, которое принадлежит в *Деміургу*. Таковы первые два его вида. Потомъ еретики хотятъ, чтобы эту земную организацию прикрывало плотское одѣяніе, а одѣяніе это есть оболочка кожи, подверженная чувствамъ.

XXV. Ахамотъ отъ сущности матери своей *Софії* сохранила частичку духовнаго сѣмени, подобно какъ и сама удѣлила иѣсколько его крохъ сыну своему *Деміургу*, но такъ, что этотъ того и не знаетъ. Къ чѣму такая скрытная предосторожность? Послѣ узаемъ. Ахамотъ вложила и утаила сѣмя это для того, что когда *Деміургъ* будетъ передавать душу свою *Адаму* силою своего дыханія, то въ то же время духовное это сѣмя могло бы перелиться посредствомъ того же канала въ земнаго человѣка, и вселясь въ материальное его тѣло, какъ бы въ какую матку, гдѣ бы могло переработаться и созрѣть, сдѣлалось способнымъ воспріять иѣкогда всесовершенное Слово. И такъ когда *Деміургъ* совершалъ изліяніе души своей въ *Адама*: то духовный человѣкъ вмѣстѣ съ симъ дыханіемъ тайно вошелъ и вселился въ это тѣло, потому что *Деміургъ* не зналъ ни сѣмени своей матери, ни самой матери своей. Это сѣмя называютъ они *Церковію*, образомъ *Церкви* свыше, колыбелью человѣка. Они производятъ сѣмя его изъ праха или пепла Ахамоты, равно какъ изъ *Деміурга* извлекаютъ все душевное или животное, изъ первородной сущности все земное, изъ матеріи всякую плоть. Вотъ тебѣ новая четверица *Геріопова*.

XXVI. Каждой сущности они полагаютъ слѣдующій конецъ: сущности материальной, то есть, плотской, которая именуется ими также лѣвою стороною, неизбѣжную смерть; сущности душевной, или животной, называемой ими для отличія стороною правою,

смерть сомнительную; ибо волниясь между духовною и материальною сущностю, она должна пасть туда, куда наиболѣе склонялась. Впрочемъ они увѣряютъ, что и духовная сущность входитъ въ составъ сущности душевной, или животной, дабы сіл послѣдняя могла быть наставляема отъ своей подруги, и образоваться, собесѣдуя съ нею. Душевная, или животная сущность имѣла недостатокъ въ познаніи чувствительныхъ вещей. Для сего-то порождены были феномены въ мірѣ. Для сего-то и *Сотеръ* принялъ въ мірѣ душевную или животную форму, то есть, съ тѣмъ, чтобы спасти сущность душевную или животную; но еретики, увлекаясь другими нелѣпыми предположеніями, хотятъ, чтобы онъ занимствовалъ иѣчто отъ всѣхъ трехъ сущностей для спасенія ихъ вообще, такъ что отъ Ахадоты получила духовную сущность, а отъ Деміурга пріяла душевного или животнаго Христа, въ котораго вскорѣ и облекся. Между тѣмъ, будучи тѣлеснымъ, потому что происходилъ изъ душевной или животной сущности, но имѣя составъ, устроенный съ удивительнымъ и неизреченнымъ искусствомъ въ отношеніи къ приведенію въ дѣйствіе предлежавшаго ему подвига, онъ (*Сотеръ*) долженъ былъ вооружиться необыкновеннымъ великодушiemъ, чтобы противъ воли сблизиться съ людьми, быть отъ нихъ видимымъ и осозаемымъ, и наконецъ умереть. Но впрочемъ ничего въ немъ не было материального, потому что матерія исключена изъ спасенія, какъ будто бы она нужна была кому либо другому, кромѣ лишившихся спасенія. Но къ чему служать эти мечтанія? Къ тому, чтобы Валентиніане, отказывая Иисусу-Христу въ нашей плоти, могли отнять у насъ и надежду на спасеніе.

XXVII. Оканчиваю разсужденіе относительно ихъ

Христа. Иные прививаютъ къ нему еще *Iисуса съ та-*
кою же наглостю, съ какою духовное сѣмя вводятъ
въ сущность душевную, или животную, подкрѣпляя
ее божественнымъ дыханіемъ: это настоящее скопи-
*ще безразсудствъ, разглашаемыхъ ими на счетъ лю-
дей и на счетъ своихъ боговъ. Они дѣйствительно
хотятъ, чтобы *Деміургъ* имѣть также своего *Христа*, сы-
на, рожденаго имъ изъ собственной сущности. «Онъ со-
творилъ его, говорятъ они, душевного или животного
«свойства: это тотъ самый, который возвѣщень Проро-
камъ; бытіе его составляетъ вопросъ предложный, то
«есть, что онъ рожденъ чрезъ дѣву, а не отъ дѣвы,
«потому что вошедши въ дѣву, онъ прошелъ чрезъ
«нее, а не изшелъ изъ нея по законамъ дѣторожде-
«нія, что онъ чрезъ сей каналъ только перешагнулъ,
«а не родился, и что дѣва была не матерью его, а
«онъ воспользовался ею, какъ бы какимъ проѣзжимъ
«путемъ. Тогда *Сотеръ* въ видѣ голубя снизошелъ на
«сего *Христа* при совершении таинства крещенія. Въ
«Христъ семъ находилась притомъ приправа Духовна-
«го сѣмени отъ *Ахамоты*, вѣроятно для предупрежде-
«нія всякой порчи отъ посторонней примѣси.» Опи-
придаютъ ему для подкрѣпленія четыре сущности по
примѣру верховной четверицы: сущность *Ахамоты* или
душевную, сущность *Деміурга* или душевную или жи-
вотную, сущность *тѣлесную* или неизреченную, и на-
конецъ сущность *Сотерову*, то есть, голубиную. От-
носительно *Сотера*, онъ пребылъ до конца во *Христѣ*,
булuchi безстрастнымъ, неприкосновеннымъ, недоступ-
нымъ на счетъ всякаго рода оскорблений. Какъ же
скоро приступлено было къ насильственнымъ противъ
Христа дѣйствіямъ: то *Сотеръ* отъ него удалился на
все время производства *Нилатова* суда. Слѣдователь-
но сѣмя матери не подверглось оскорблѣніямъ, и бы-*

ло изъято отъ нихъ, будучи нѣдомо и самому *Деміургу*. Страдалъ одинъ душевный или животный, одинъ плоскій Христосъ, уподобляясь тому высшему Христу, который для произведения Ахамоты распять былъ на крестъ, то есть, на Горусть подъ видомъ хотя и существеннымъ, но не подверженнымъ чувству. Вотъ какъ они обозраживаютъ наши догматы, считались мнимыми Христіанами.

XXVIII. Между тѣмъ *Деміург*, совершенно не зная, гдѣ самъ находится, хотя и долженъ будетъ нѣкогда возвѣщать иѣчто чрезъ своихъ Пророковъ, безъ всякаго однажожъ о томъ понятія (еретики приписываютъ ларь пророчества отчасти Ахамотъ, отчасти сѣмени, отчасти *Деміурга*), *Деміургъ*, говорю, какъ скоро пройдаль о прибытиї *Сотера*, тотчасъ торжественно выходитъ къ нему на встрѣчу со всѣми своими силами, какъ какой либо евангельский сотникъ. Будучи отъ него наставленъ во всѣхъ предметахъ, онъ узнаетъ отъ него также и о той надеждѣ, что предназначень онъ заступить мѣсто своей матери. Съ тѣхъ поръ, обезпеченный въ своеемъ существованій, онъ продолжаетъ управлять симъ міромъ, доколѣ надобность востребуетъ, хотя бы то было только для того, чтобы покровительствовать церкви.

XXIX. Въ заключеніе я изложу здѣсь и то, что они разглашаютъ о составѣ рода человѣческаго. Объявивши, что природа первоначально была тройственная, но во всѣхъ видахъ соединилась въ *Адамъ*, они оканчиваютъ тѣмъ, что раздѣляютъ ее на три рода съ особыми свойствами, заимствую поводъ къ тому отъ самого потомства *Адамова*, раздѣлившагося также на трое по своимъ нравственнымъ качествамъ. *Каинъ*, *Авель* и *Сифъ*, какъ иѣкоторымъ образомъ источники рода человѣческаго, становятся для нихъ тремя ручья-

ми природы и особыхъ сущностей. Они присвоиваютъ *Каину* земную сущность, изъятую отъ спасенія; *Авелъ* представляеть душевную, или животную сущность, предопредѣленную для сомнительной надежды; въ *Сиѳеъ* же заключаютъ они духовную сущность, ожидающую неминуемаго спасенія. Они отличаются такимъ же образомъ и души по ихъ двойственному свойству добрыхъ и злыхъ, смотря потому, какую сущность воспріемлють онѣ, земную ли отъ *Каина*, душевную или животную отъ *Авеля*, или же духовную отъ *Сиѳа*. Сверхъ того не по праву природы, но въ качествѣ простаго благоволенія, они по временамъ низводятъ на землю ту росу, которую *Ахамотъ* поливаетъ съ небесъ на добрыя души, то есть, на души, находящіяся въ душевномъ или животномъ разрядѣ; ибо что касается до душъ земнаго рода, другими словами, до злыхъ душъ: то имъ въ спасеніи совершенно отказано. Они рѣшительно объявляютъ, что природа не терпитъ ни измѣненія, ни преобразованія. Въ добрыхъ душахъ зерно духовнаго сѣмени бываетъ сперва весьма мало и слабо, когда сѣвется; но по мѣрѣ того, какъ оно развертывается, вѣра вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ, какъ выше примѣчено. Оно составляетъ основное начало превосходства сихъ душъ надъ другими, такъ что *Деміургъ* во время даже своего неѣжества питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. Въ роспиняхъ сихъ душъ обыкновенно выбирали онъ имена царей и первосвященниковъ. Если души эти приобрѣтутъ полное и совершенное познаніе о подобныхъ нехристиянскихъ, тогда, подчиняясь симъ свойствамъ посредствомъ сродства духовнаго сѣмени, онѣ получать несомнѣнное спасеніе, принадлежащее имъ по всѣмъ правамъ.

XXX. Вообще еретики почитаютъ дѣла для себя

безполезными, и освобождаютъ себя отъ всякаго долга, признавая даже мученичество не нужнымъ, неизвѣстно подъ какимъ пустымъ предлогомъ. Они хотятъ, чтобы правило это простиралось только на душевное или животное сѣмя, дабы мы, прочие люди, посредствомъ достоинства дѣлъ приобрѣтали то спасеніе, котораго не имѣемъ по преимуществу природы нашей. Мы-то находимся въ разрядѣ сего сѣмени и принадлежимъ къ несовершенной сущности, происходя отъ любовныхъ похождений *Филета* и будучи исчадіемъ законопреступной матери. Но горе намъ, когда мы вздумаемъ свергнуть съ себя какое либо иго заповѣдей, когда не пребудемъ тверды въ дѣлахъ святости и правды, когда пожелаемъ свидѣтельствовать о вѣрѣ нашей въ другомъ мѣстѣ (неизвѣстно въ какомъ), а не предъ лицемъ властей сего міра и не предъ судомъ проконсуловъ! Что же касается до нихъ: то они присвоиваютъ себѣ полное благородство происхожденія чрезъ посредство своеvolства жизни своей и любви къ разврату. Ахамотъ обязана защищать всячески своихъ приверженцевъ, потому что самой ей такъ хорошо удались ея безчинства. Говорятъ даже, что у нихъ для почести небесныхъ супружествъ, надлежитъ всегда вникать въ таинство брака и праздновать его, совокупляясь тутъ же съ подругою, то есть, съ женщиной. Впрочемъ кто въ мірѣ семь живеть, не любя женщины и не сопрягаясь съ нею, того почитаютъ они человѣкомъ выродившимся, ублюдкомъ истины. Что же становится съ евнухами, которыхъ мы видимъ между ими?

XXXI. Остается побесѣдоватъ объ усовершеніи и о распределеніи наградъ. Ахамотъ, окончивъ жатву всего своего потомства, должна собрать ее въ свои житницы, или же, когда она, принесши это сѣмя на

мельницу и измоловши въ муку, положить его въ особый ларь, гдѣ оно должно смыться и окиснуть, въ то время воспослѣдуетъ всеобщее усовершеніе. Тогда Аганиотъ, оставя среднюю страну и второй ярусъ неба, преселится въ высочайшіе его предѣлы и войдеть въ *Плеромъ*. Въ сльдѣ за тѣмъ *Сотеръ*, составленный изъ всѣхъ Эоновъ, приметъ ее и сдѣлается ея мужемъ: новое супружество, новая чета! Еще мужъ и жена въ *Плеромъ*! Иной право подумаетъ, что законы *Юлия* и *Каил* (*) всегда сопутствовали Эонамъ при ихъ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Самъ *Деміургъ*, покинувъ свою поднебесную седмицу, взойдетъ па высшій ярусъ, и возсядетъ за пустую трапезу матери своей, которую тогда хотя и будетъ знать, но видѣть ее не удостоится. Если это такъ: то лучше бы ему вѣчно остаться въ своемъ невѣжествѣ.

XXXII. Сульба рода человѣческаго слѣдующая. Кто имѣть знаменіе земное и материальное, всякой тотъ неизбѣжно подверженъ конечному истребленію, потому что всякая плоть подобно полевому злаку, и по системѣ еретиковъ самая душа должна умереть, исключая душъ, обрѣвшихъ спасеніе вѣрою. Души праведныи, то есть, наши перенесутся къ *Деміургу* въ селенія срединныя. Спасибо ереси. Но мы предпочитаемъ лучше обитать съ Богомъ патимъ, къ которому позволено намъ восходить. Никакая душевная или животная сущность не пріемлется въ чертоги *Плерома*, кромѣ духовнаго сонмища *Валентинова*. Тутъ уже люди, то есть, люди внутренніе, пачнаютъ совлекаться. Совлекаться значитъ оставлять лу-

(*) Первый законъ противъ пренебрѣгства, а второй о правахъ Римскаго гражданства.

ши, въ которыхъ казались они облечеными, и возвращать своему *Деміургу* тѣ души, которые получены ими въ удаленіи отъ него. Тогда содѣлаются они духами чисто разумными, неосязаемыми, невидимыми, и въ семь состояній введены будутъ невидимо и таинственно въ *Плеромъ*.—А постѣ?—Они розданы будутъ Ангеламъ, спутникамъ *Сотера*.—Можетъ быть въ качествѣ сыновъ?—Нѣтъ.—Не для того ли, чтобы быть ихъ служителями?—Отсюда нѣтъ.—Въ такомъ случаѣ для того, чтобы быть ихъ образомъ?—Даль бы Богъ, чтобы они по крайней мѣрѣ того удостоились.—На какой же конецъ, если позволено спросить?—Для того, чтобы эти души были ихъ супругами. Какова участь Ангеловъ? Они будутъ наслаждаться пріятностями брака, похитивъ и раздѣливъ между собою сихъ Сабинокъ.

Вотъ какая награда будетъ для духовныхъ людей: настоящее мэдовоздаяніе за ихъ вѣру. Таково-то достоинство всѣхъ сихъ басенъ. По милости ихъ, какои нибудь *Маркъ*, *Кай* или *Северъ*, взошедши на эту каеедру печестія, кто бы онъ ни былъ, мужъ, отецъ, дѣдъ или прадѣдъ, лишь бы быть человѣкъ, можетъ войти въ брачный чертогъ *Плерома*, чтобы отъ Ангела родить (нельзя не краснѣть отъ стыда) какого либо образцового Эона. Когда эти супружества, законно совершаemыя при блескѣ свѣтильниковъ и подъ покровомъ багряницы, войдутъ въ обычай: то мнѣ кажется, что скрытный огонь, вспыхнувші, пожретъ всю сущность ереси, обратитъ въ прахъ и уничтожить все, что у нихъ имѣтъ жизнь; а потомъ и самъ исчезнетъ. Съ тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ басень уже не будетъ. Но что я, дерзкій, дѣлаю? Не довольно того, что обнаружилъ столь великое таинство, я еще смѣю издѣваться. Боюсь, чтобы *Ахамотъ*,

скрывшая себя отъ собственного сына, не сошла отъ того съ ума. *Филето* вѣрно разсердится; *Фортуна* также паморщится. А между тѣмъ я, тварь *Деміурга*, долженъ по смерти моей возвратиться туда, гдѣ пѣтъ супружества, гдѣ вместо совлеченія долженъ я на это тѣло надѣть одежду бессмертія, гдѣ, если и лишусь пола своего, но уподоблюсь Ангеламъ, гдѣ иѣтъ Ангеловъ ни мужескаго ни женскаго пола, гдѣ никто не станетъ ругаться надъ моимъ тѣломъ, которое восприметъ тогда мужественную свою силу.

XXXIII. Послѣ такой чудесной комедіи, я приведу теперь, въ видѣ какъ бы послѣдняго акта, особые предметы, отложенные мною донынѣ нарочно для того, чтобы не нарушить порядка повѣстований и не развлечь вниманія читателя введеніемъ такихъ подробнѣстей, съ которыми не согласуются даже и послѣдователи *Итполомеевы*. Дѣйствительно изъ школы его вышли ученики, самаго его превозшедшіе. Они назначили для *Битоса* двухъ женъ: мысль и волю. Мысль подлинно была для него недостаточна, потому что съ нею одною не могъ онъ ничего производить, вместо того что съ помощью обѣихъ женъ всѣ произведения могли удобно быть исполнены. Первымъ плодомъ сего совокупленія были *Единородный* и *Истина*: истина, существо женское, создана по образу мысли, а единородный, существо мужеское, по образу воли. *Воля*, приводящая силою своею въ дѣйствіе понятія *Мысли*, взяла видно во власть свою мужской полъ.

XXXIV. Другіе умники, болѣе почтительные, вспоминая о подобающей Богу чести, чтобы избавить его отъ стыда имѣть даже и одну супругу, разсудили за лучшее не назначать *Битосу* никакого пола: можетъ быть даже почтятся они его за пѣчто междуумочное. Иные зашли еще далѣе. Они утверждаютъ, что Богъ

ихъ заключаетъ въ себѣ совокупно мужескій и женскій полъ, на тозъ вѣроятно конецъ, чтобы Фенестетла, толкователь лѣтописей, не воображалъ себѣ, что, кромѣ луны, нигдѣ нѣтъ гермафродитовъ.

XXXV. Есть и такие, которые *Битосу* опредѣляютъ не первое, а второе мѣсто, стави выше всего *осмерицу*, которую одножъ производятъ отъ четверицы, только полъ другими именами. Первый изъ четверицы есть *Проархъ*, второй *Аненостъ*, третій *Арретосъ*, четвертый *Лоратосъ*. Отъ *Проарха* въ первой и пятой степени произошелъ *Архей*, отъ *Аненоста* во второй и шестой степени *Акаталептосъ*, отъ *Арретоса* въ третьей и седьмой степени *Анономастъ*, и отъ *Лоратоса* или *Невидимаго* въ четвертой и осьмой степени *Агениетъ*. Почему каждый изъ сихъ Эоновъ рождается въ двухъ различныхъ степеняхъ и въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи? Лучше о томъ не знать, нежели допытываться. Какая мудрость можетъ заключаться въ столь нелѣвыхъ выдумкахъ?

XXXVI. Гораздо благоразумнѣе поступаютъ тѣ, которые, отвергая эти плачевныя бредни, не хотятъ, чтобы одинъ Эонъ служилъ ступенью для другаго, подобно Гемонской (*) лѣстницѣ, и производятъ однімъ махомъ эту *Осмерицу* полъ крыломъ отца и его Энчен, то есть, его *Мысли*. Словомъ сказать, каждое имя соответствуетъ его движению или мановенію. «Когда, говорятъ они, онъ мыслить о произведеніи, то по сей причинѣ именуется отцемъ; когда производить, то производя истиныя вещи, называется истикою; когда восхотѣль открыть себя, то получилъ имя человека. Тѣ, которыхъ онъ произвелъ, облумавъ бы-

(*) Такъ называлось у Римлянъ мѣсто, откуда преступниковъ стаивали въ Тибурь.

«тие ихъ въ мысли своей, тогда же названы Церковю.
«Человѣкъ» произнесъ Слово, и явился первородный
«сынъ. Къ Слову присоединилась Жизнь, и первая
«Осмерица совершилась.» Не правда ли, что все это
не иное что есть, какъ глубокое безразсудство?

XXXVII. Выслушай другія открытия сего безум-
наго человѣка, поруганного уже Энпіемъ, сего знат-
чайшаго учителя изъ Сектаторовъ, который по при-
своеній имъ себѣ власти первосвященника, провоз-
гласилъ слѣдующее: «прежде всѣхъ вещей существо-
валъ Проархъ, невообразимый, неизъяснимый, кото-
рому нѣть имени на языкѣ человѣческомъ. Я назы-
ваю его Менотесомъ: съ нимъ пребывала другая си-
ла, именуемая мною Генотесомъ. Менотесь и Гено-
тесь, то есть, Уединеніе и Единство, будучи одно и
«тоже, произвели, не производя, умственное и врож-
денное начало всѣхъ вещей, которое по Гречески на-
зываются Монады. Сія послѣдняя содержать въ се-
«бѣ единосущную силу, которая наименована Союзомъ.
«Эти четыре силы: Уединеніе, Особливость, Единство
и Союзъ породили всѣхъ прочихъ Эоновъ.» — Чуде-
сное разнообразіе! Измѣни имена, и выйдетъ союзъ и
единство, уединеніе и особливость; но какъ бы ты ихъ
ни измѣнялъ, все будетъ одно и тоже.

XXXVIII. Секундъ былъ нѣсколько человѣколюби-
вѣ, потому что изъяснился короче. Онь Осмерицу
раздѣляетъ на двѣ Четверицы, на правую и лѣвую,
на свѣтъ и тьму; онъ хочетъ только, чтобы несовер-
шенная и позрѣлая сила происходила не отъ кого ли-
бо изъ тридцати Эоновъ, но изъ плодовъ отъ ихъ сущ-
ностей.

XXXIX. Какое между ими разногласіе на счетъ
Господа нашего Иисуса-Христа? Одни полагаютъ Его
произшедшімъ отъ всѣхъ Эоновъ. Другіе утвержда-

ють, что Онъ произведенъ только десятыю, рожденными отъ *Слова* и *Жизни*: потому-то *Слово* и *Жизнь* на Немъ и остановили глаза свои. Нѣкоторые считаютъ Его плодомъ двѣнадцати Эоновъ, рожденныхъ отъ *Человѣка* и *Церкви*; а потому наименованъ Онъ и сыномъ человѣческимъ. Прочie говорятъ, что Онъ произведенъ высшимъ *Христомъ* и *Духомъ Святымъ*, которыхъ долгъ пещись о сохраненіи всеобщности, и что Онъ по силѣ правъ Своихъ наслѣдуетъ имя, носимое Отцемъ. Есть и такие, которые вздумали приписать Сыну человѣческому особое происхожденіе, и, по причинѣ величія таинства имени Его, дерзнули и Самому Отцу дать имя человѣка. О безумецъ! Чего можешь ты ожидать отъ Бога, которого ты дѣлаешь себѣ равнымъ?

Откуда берутся у нихъ подобныя выдумки? Безъ сомнѣнія отъ нечистаго сѣмени ихъ матери. Такимъ-то образомъ учение Валентиніанъ, безпрерывно распространяясь и преувеличиваясь, исчезаетъ наконецъ въ дремучемъ сумракѣ Гностиковъ.
